

59 (Kazak) (Kazak)
И. АЛТЫНСАРИН

РАССКАЗЫ

• 17 •

Б4/К23/К23

А50

ИБРАЙ АЛТЫНСАРИН

РАССКАЗЫ

—•—

Перевод с казахского
Н. КАЛЬМЕНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА — 1971

Каз 1
А 52

В настоящий сборник вошли рассказы Ибрая Алтынсарина, написанные им для детей. В них говорится о смелости и находчивости, о трудолюбии и скромности детей бедняков, о хвастливости и трусости байских детей.

КНИГОБРАНД

524801

Вост.-Мед. библиотека
Детский отдел
И. А. Б. БИРА

7-6-3
308-71

ПРОВЕРЕНО 1973 г

КИПШАК СЕЙТКУЛ

В то время, когда в обычае была барымта, кипшак¹ Сейткул жил с тридцатью сборными лачугами бедняков. Он задумался над тем, как бы сделать их богатыми, чтобы они могли жить хорошо. Заниматься торговлей не было средств, если же промыслять барымтой и угоном чужого скота, то в один прекрасный день враги тоже могут отобрать награбленное; ибо, как говорят старые люди, голова барымтача должна в конце концов остаться на дороге.

Все это обдумав и взвесив, Сейткул решил прежде всего найти удобное место для стоянки. Объездив много мест, он наконец задумал поселиться в Тургайской степи, в долине речки Кабырги. Он решил, что отсюда далеко расположены Ургенч и Коканд, и к тому же это место находится в стороне от башкир и калмыков; и если случится беда, то они близко будут находиться к кипшакскому роду. Поэтому это место понравилось Сейткулу.

Поразмыслив одну зиму на старом месте, он в теплое летнее время перевез всех своих плохо одетых бедняков к речке Кабырге. У Сейткула был старший брат, много бродяжничавший и занимавшийся воровством и барымтой. Сколько ему ни говорил и ни советовал младший брат, он с тремя-четырьмя владельцами лачуг остался на старом месте в Туркестане.

По прибытии к берегам Кабырги Сейткул взял в руки кетмень и роздал кетмени тридцати беднякам. Они принялись ровнять и подготавливать землю для посе-

¹ К и п ш а к — название рода.

вов. По примеру того, что они видели в Туркестане, вывели воду из речки в арыки и стали поливать посе­вы.

Когда поспел хлеб, они сжали и собрали урожай. Излишки хлеба обменяли на скот у кочевников, распо­ложившихся неподалеку.

После того как окончательно устроились на новом месте, Сейткул из года в год стал все увеличивать посе­вы. Возле арыка поставили чигири и стали гнать чиги­рями воду на посе­вы (в то время сеяли только пше­ни­цу, ячмень, просо). Продолжая обменивать на скот из­лишки хлеба, они стали богатыми.

Видя все это, кочевавшая беднота из разных родов стала прибывать к Сейткулу, и через каких-нибудь пять-шесть лет аул Сейткула доходил до четырехсот хозяйств.

В конце концов хозяйства как самого Сейткула, так и собравшихся вокруг него, имели много скота, а Сейт­кул стал уважаемым в народе человеком. Далее он за­думался над тем, как бы сберечь добытое трудом и по­том богатство народа от зарившихся на него врагов — всров, степных волков. С этой целью Сейткул собрал народ и, посоветовавшись с ним, построил в удобном месте, на берегу реки, высокую стену из дерна, а к ско­ту приставил пастухов и вооруженную стражу.

Кочевники, зарившиеся на их скот, узнав, что они представляют собой род, объединившийся и послуш­ный голосу одного человека, не смели нападать на них.

Успокоившись и обезопасив народ с этой стороны, Сейткул посоветовал гнать скот для продажи в Бухару и Коканд и привозить оттуда добротные товары для казахов. Ежегодно ко времени сбора урожая в том огороженном месте он устраивал базар, нечто вроде ярмарки, и кочевое население к этому времени привык­ло привозить шерсть, кожевенное сырье, а хлеборобы вывозили для обмена свой хлеб и товары. Таким обра­зом, с одной стороны — от торговли, а с другой — от земледелия, аул Сейткула стал богатым.

Старший брат Сейткула, рассчитывавший разбога­теть воровством и грабежом чужого скота, в окрестно­стях Конрата был схвачен и убит неизвестно кем. Эмир Туркестана захватил его скот, как принадлежащий вору, а семью ограбил. Семью брата Сейткул разыски-

вал в течение нескольких лет и, говорят, нашел и привез к себе в аул.

Сейткул, по свидетельству уважаемого султана Тилеу Сейдалина, умер около 1830 года.

По совету этого выдающегося человека, приучавшего своих соплеменников к земледелию, много народа проживает до настоящего времени по течению речки Кабырги.

Обедневшие, не находящие работы люди в Тургайской степи становятся хлебопашцами, и если трудятся не лентясь, то через несколько лет становятся по достатку равными другим людям.

КИБИТКА И ДОМ

В 1876 году, когда я занимал должность судьи, ко мне пришли с жалобой, поссорившись друг с другом, два товарища. Один был мишар, а другой — казах. Оба хорошие мастера, занимались они постройкой землянок и деревянных домов казахам. Хорошо зарабатывали.

Причина их ссоры заключалась в следующем.

Мишар как-то сказал:

— Надо будет нам построить себе дом, а то зимой будем мерзнуть.

На это казах возразил:

— Нет, надо будет сделать маленькую походную юрту. Она удобна как для зимы, так и для лета. Если кто-нибудь пригласит нас на работу и мы поедем, то юрту, будь то зимой или летом, можно перевозить с собой.

— Ой, пропади пропадом твоя юрта! Ни днем, ни ночью не согреешься в ней, все тебя будет пробирать мороз, — запальчиво возразил мишар.

— Пропади твой деревянный дом, который нельзя перевозить, — в свою очередь, выражая недовольство, сказал казах.

Так, один, расхваливая кошомную юрту, а другой — деревянный дом, поругались между собой и, наконец, отправились к судье, чтобы тот решил, кто из них прав. С тем и пришли они ко мне.

Оба были мне хорошо известны как люди трудолюбивые и добродушно-наивные.

Узнав в чем дело, я спросил их:

— Сколько вы зарабатываете в месяц?

— Зарабатываем оба сорок-пятьдесят рублей, — ответили они.

— Сколько стоят барак и походная юрта вместе?

— Для двоих достаточно иметь небольшую землянку и небольшую походную юрту, и будут они стоить около тридцати рублей, а сделаем мы их сами, — ответили они.

— А до этого где вы проживали?

— Когда народ выезжал на жайляу, мы нанимали у кого-нибудь на лето юрту за десять-пятнадцать рублей. А зимой жили у кого придется. Если же хотели иметь отдельную квартиру, то за это тоже платили.

Тогда я сказал им:

— Оба вы правы. Юрта удобна при переездах. Когда летом народ выезжает на жайляу, а вы остаетесь на зимовках и переезжаете от одной зимовки к другой, то для ваших переездов удобно иметь небольшую походную юрту. Летом в юрте вы не будете мерзнуть, и воздух в ней лучше, чем в деревянном доме. Поэтому ты, казах, сделай себе небольшую походную юрту. Зимой казахи не делают заказов на постройку домов. В это время вы занимаетесь выполнением разных мелких работ на дому, находясь большую часть дня на дворе. Рабочему человеку, который целыми днями работает на открытом воздухе, необходимо хотя бы ночью находиться в тепле, чтобы быть готовым к работе на следующий день, поэтому ты, мишар, сделай себе землянку. Таким образом, летом вы оба будете проживать в небольшой юрте, а зимой — в землянке. При этом вы не будете платить ежегодно людям за жилье и на эти деньги сделаете себе юрту и землянку. По-моему, так выгоднее.

Каждый из них был убежден, что решение состоялось в его пользу и что он был прав.

Когда они уходили от меня, то один сказал, что он купит походную юрту, а другой — что он сделает себе землянку. Тогда я вернул их и спросил.

— Вы землянку будете делать вместе или каждый сам себе?

На это казах ответил:

— Пусть мишар делает сам свой дом, я же для себя найду походную юрту.

Тогда к ранее сказанному я добавил:

— Ты, мишар, когда наступит лето, будешь жить у этого казаха в юрте, поэтому половину стоимости юрты ты ему уплатишь. А ты, казах, когда наступит зима, будешь жить у этого мишара в теплой землянке, поэтому землянку делай вместе с ним.

Оба, каждый считая, что он был прав, ушли, еще раз поблагодарив меня.

СПОР ЖИВОТНЫХ

Верблюд, лошадь, корова, баран, собака, петух, курица, мышь и другие животные однажды заспорили, с чьего имени люди должны начинать счет годам¹.

— Если человек садится на меня и едет, то далекое расстояние делается близким, — говорила лошадь. — Человек пользуется моей силой, пьет мое молоко, даже из моих волос арканы делает. Нет животного для человека полезнее меня. Счет годам должен начинаться с моего имени.

— Если ты выполняешь работу для человека, то за это ешь овес, ячмень, сено; и ты за пищу сделалась рабой его, — возразил верблюд. — А вот я поднимаю тяжести, которых ты не в состоянии поднять, и доставляю их на расстояния в несколько месяцев пути. Когда я голоден, я не требую овса, ячменя, а довольствуюсь тем, что попадается мне на пути: если есть ковыль — ковылем, если есть полынь — полынью. Находится вода — напьюсь, а если нет воды, то могу долго терпеть жажду. Поэтому счет годам должен начинаться с моего имени.

— Я пашу человеку землю, он пьет мое молоко, делает из него курт², сбивает масло, — говорила корова.

¹ Казахи вели счет годам по двенадцатигодовому циклу. Каждый год носил название домашнего животного, зверя, пресмыкающегося.

² Курт — продукт, который готовится из кислого молока; его кипятят для удаления сыворотки, а затем образовавшуюся гущу сушат, придавая ей желаемую форму.

— Если бы не было меня, то чем бы покрывал казах свою юрту? Из моей шерсти он делает кошмы, вьет арканы, сучит нитки, из жабаги¹ шьет себе халаты,— говорил баран.

— Если бы не было меня, то многих из вас украли бы воры или задавили бы волки. Всех вас я стерегу, и если покажется враг, то я начинаю громко лаять,— даю хозяину знать о его приближении,— говорила собака.

— Если бы нас не было, то человек не вставал бы рано утром на работу, просыпал бы,— сказала курица.— Петух, проснувшись рано, начинает петть, давая знать, что заря занимается. В полночь он кричит, возвещая, что время ложиться спать, иначе можно проспать и опоздать на работу. Вечером он опять кричит, давая знать, что настало время отдыха.

Мышь некоторое время молчала, не зная, что сказать, и обдумывала, как бы обмануть всех. Затем она предложила собравшимся:

— Из этого спора не будет никакого толку. Давайте подождем начала года, и именем того, кто раньше всех увидит его, пусть будет назван первый год летоисчисления.

Верблюд, полагаясь на свой рост, был твердо уверен, что раньше его никто не сможет увидеть наступление года, и первый одобрил слова мыши. И вот все начали смотреть и ждать начала года.

Между тем мышь тихонько взобралась на верблюда, а затем на верхушку его горба и стала ждать. В результате, она первой увидела наступающий год и оповестила об этом всех. Поэтому ее имя и присвоено первому году летоисчисления.

Вот почему, говорят, и существует поговорка: «Верблюд, полагаясь на свой рост, остался ни с чем».

СЫН БАЯ И СЫН БЕДНЯКА

Асан был сыном бая, а Усен — сыном бедняка. Оба были ровесниками. Однажды аул снялся с кочевья, а про детей, игравших за холмом, забыли; и

¹ Жабаги — руно, шерсть весенней стрижки.

они оба остались на месте старого кочевья. Через некоторое время дети решили идти в аул. Смотрят — нет аула, только видно место его стоянки. Асан начал громко плакать, а Усен постоял в раздумье и сказал:

— Оттого, что ты плачешь, ничего не получится. Лучше будем искать откочевавший аул.

— Где мы найдем наш аул, мы же не видели, в какую сторону он откочевал? — ответил Асан.

Усен ничего не ответил и, ведя за собой Асана, пришел на стоянку аула. На стоянке он нашел старую иголку со сломанным ушком и подобрал ее, нашел еще сломанный нож и горсть конских волос — и все это тоже взял. Затем быстро начал осматривать стоянку и, обнаружив следы откочевавшего аула, пошел по ним.

Когда Усен с Асаном немного отошли, следы разделились надвое. Увидев это, Асан начал плакать, говоря: «По каким же из них пойдём?»

Усен, осмотревши оба следа, пошел по одному из них, объясняя Асану:

— Видишь, здесь кочевье сегодня проследовало, так как в этом направлении сохранились остатки свежего скотского помета.

Когда они прошли еще немного, Асан снова начал плакать, говоря, что хочет есть. Усен же продолжал идти молча. Вдруг перед ними поднялась утка и, отлетев недалеко, села. Усен, обшарив то место, откуда она вылетела, нашел шесть яичек. Обрадованный Асан хотел было взять яйца, но Усен запретил ему.

— Если мы, потеряв следы, будем долго плутать, то нам необходима будет пища. Надо будет и утку поймать, — сказал Усен.

— А как же мы сможем ее поймать? — спросил Асан.

— Я видел, как отец ловил уток, — ответил Усен. Он стал плести силки из тех самых конских волос, которые он перед этим нашел на старой стоянке аула, а затем расставил силки в гнезде.

После этого он позвал к себе Асана, и они залегли за холмом в густой траве.

Прошло немного времени. Утка прилетела обратно и, не заметив присутствия людей, села в гнездо.

Немного подождав, Усен побежал к гнезду.

Утка не могла улететь и лишь махала крыльями. Смотрит Усен — она бьется в силках, запуталась в них.

Асан говорит Усену:

— Понесем ее живую и будем играть с ней.

— Нет, отец говорил, что утки, гуси — чистые птицы; в нужде их можно ловить людям и употреблять в пищу. Однако грех держать их на привязи и мучить. Не будем мучить утку, а лучше зарежем ее, — сказал Усен и обломком ножа, который он нашел на стоянке аула, зарезал утку и взял ее с собой.

После этого они продолжали свой путь. Когда солнце перевалило зенит, Асан и Усен дошли до речки. Здесь, напившись воды, они утолили жажду.

— Теперь надо будет нам сварить пищу, — сказал Усен.

— Огня ведь нет, как же мы сварим себе пищу? — спросил Асан.

Усен промолчал, прошелся по берегу и нашел кусочек твердого камня. Затем он вытащил из маленькой дырки в своем чапане немного ваты, положил ее на камешек, прижал крепко пальцем и стал с силой ударять по камню тупой стороной обломка ножа. Стали вылетать искры, и вата загорелась. Потом он крошил вокруг ваты немного кизяку и начал дуть, чтобы разгорелся огонь, а Асана послал собирать хворост. После того как хворост был принесен, развели огонь. Сперва сварили яйца. Затем ошипали утку, выпотрошили ее и, насадив на конец палочки, стали жарить. Когда утка изжарилась, наелись досыта.

Асан, наевшись, забыл о своем горе, побежал по берегу речки и вдруг закричал:

— Усен! Усен! Смотри, на мелком месте здесь плавают рыбы.

Усен, не оборачиваясь на возгласы Асана, положил в огонь иголку, которую нашел на стоянке аула. Когда через некоторое время игла, накалившись, стала красной, Усен вытащил ее из огня, начал осторожно гнуть и сделал из нее крючок. Затем, позвав Асана, сказал ему:

— Ты налови кузнечиков.

Сам же он ссучил из волоса леску и смастерил уди-

лице. Когда удочка была готова, Усен насадил на крючок одного из пойманных Асаном кузнечиков и забросил удочку в воду. Вода была чистая, как зеркало, и видно было, как в ней плавали и играли рыбки. Сначала подходили маленькие чебачки. То одна, то другая рыбка, понюхав насадку, отплывала, а затем они вновь подплывали. Вдруг чебачки бросились врассыпную. Это приближалась щука. Щука, не обращая внимания на насадку, медленно проплыла мимо, шевеля хвостом. После того как она удалилась, чебачки вновь стали быстро собираться и играть вокруг насадки, гоняясь друг за дружкой, то задевая насадку, то крутясь около нее. Вдруг чебачки опять рассыпались во все стороны и исчезли. Это появилась стая окуней. Один из них, раньше всех заметивший насадку, подплыл прямо к ней и, сразу схватив ее, проглотил. Усен дернул удочку и выбросил окуня на берег. Таким способом Усен поймал много окуней. Мальчики, увлекшись рыбной ловлей, не заметили, что день клонится к вечеру. Усен посмотрел на солнце и сказал:

— Ого, уже солнце близится к закату. Надо будет засветло найти брод и переправиться.

Сказав это, он собрал пойманную рыбу и завернул ее в чапан. Удочку с удилицем, кремь и нож тоже взял с собой, ничего не оставил. Затем мальчики стали искать брод.

Усен направился прямо к тому месту, где следы, по которым они шли, подходили к воде. И в этом месте мальчики переправились на другой берег.

Когда они прошли некоторое расстояние, солнце закатилось, стало темнеть, и следов не стало видно. С наступлением вечера оба мальчика начали испытывать страх. Все же Усен сказал, что надо будет заночевать, чтобы не потерять следов. Он остановился и, собрав кизяка, развел огонь. Немного погодя Асан, набегавшийся и уставший за день, уснул. Усену пришли на память слова отца: «Где народ, там воры; где степи, там волки бывают». Поэтому он решил не спать и стал печь в огне рыбу, которую наловил днем. Так, занимаясь делом, было легче бодрствовать. В это время он увидел, как пробежало стадо сайгаков, пугливо озирающееся в сторону костра, а затем, внезапно испугавшись чего-то, исчезло. Через некоторое время подошел табун

куланов с жеребятами-стригунами. Впереди табуна шел, фыркая, жеребец, подняв голову и хвост, а остальные жеребята смотрели с любопытством. Вдруг все кинулись бежать в сторону. Вслед за тем близко завыл волк, а вдали где-то закричала выпь.

Усен, похолодев, продолжал молча сидеть, испуганно озирался и крепко сжимал в руках удилице. Так он увидел много животных, а также насекомых, бабочек, жуков, слетевшихся на огонь, и думал: почему эти мухи и бабочки слетаются на огонь, если они находят здесь смерть? Так раздумывая, он не спал до зари. Когда же на востоке занялась заря, распространяясь по небу, из красного цвета переходя в бледный, Усен начал будить Асана.

— Время уже идти, — тормошил он его.

Асан, забыв, что он находится в поле, продолжал лежать, как будто он был дома и, долго не просыпаясь, что-то мычал сквозь сон. Усен не оставил его в покое, пока не разбудил, и они продолжали путь.

Когда солнце было близко к полудню, следы исчезли, став незаметными на твердой каменистой почве. Мальчики остановились, в нерешительности озираясь по сторонам, не зная, куда идти.

Вдруг на высокой горе они увидели большую могилу. Тут Усену пришли на память слова отца: «Если случится тебе в степи заблудиться, то помни, что где бывают могилы, там должна быть вода, а где есть вода, там живут люди».

Следуя, таким образом, поучениям отца, Усен, ведя Асана, направился в сторону могилы. Когда они подошли ближе к могиле, то услышали, как гогочут гуси. Усен теперь уже знал, что поблизости находится озеро, так как, где нет воды, там не обитают гуси. Они оба поднялись на гору, где находилась могила и увидели под самой горой большое озеро, а в озере и вокруг него много скота. По берегу озера, на зеленом лугу, покрытом высокой травой, паслись стада лошадей и баранов. Часть лошадей, войдя в озеро, срывала молодой зелёный камыш, а с другой стороны озера, на солончаках, лежали верблюды. Увидев все это, дети побежали вниз по скату и, добежав, увидели, что это пасется скот их аула. Пастухи, увидя Асана и Усена, обрадовались и некоторые из них поскакали, чтобы обрадовать родителей и

взять с них суюнши¹. А другие, посадив детей на коней, повезли их в аул. Дорогой пастухи рассказывали детям, что как только стало известно, что они остались на старой стоянке аула, то поехали искать их.

Солнце только что приблизилось к полудню, когда дети благополучно доехали домой и увидели своих родителей.

НЕВЕЖЕСТВО

А

Детей одного наивного рода обучал невежественный мулла. Мулла был неграмотен, даже не умел читать по-узбекски. Он давал каждому мальчику в руки бумажку с нацарапанными на ней черточками. Урок его был таков:

— За венчание следует лошадь.

— Рождение ребенка — радость, за это следует дорогая вещь.

— За то, что дается имя — следует жирный конь.

— За обрезание — три верблюда.

— За отпущение грехов — пять верблюдов...

Однажды в этот аул прибыл грамотный мулла. Когда он вошел в медресе, невежественный мулла тут же, как бы давая урок, обратился к одному мальчику со следующими словами, адресуя их вошедшему:

— Не следует много говорить, к чему излишняя болтовня. У меня пятнадцать верблюдов и одна лошадь. Из них половина мои, половина твои будут.

Б

Один татарин выбежал в полночь из дому без шапки и, глядя на него, за ним побежали в испуге жена и дети, оставив дом. Он же, опередив всех, забежал к соседу в дом и начал прятаться.

— Что с тобой? — спросил его сосед.

Отдышавшись немного, татарин ответил ему:

¹ С у ю н ш и — подарок за радостную, добрую весть.

— Уже давно в моем доме водятся черти, джины. Каждую ночь, как только мы ложимся спать, шайтаны собираются на моей крыше и начинают играть, стучать. Чтобы изгнать их, я несколько раз собирал мулл для прочтения молитв, на что истратил много денег.

Сегодня ночью черти вновь, по своему обыкновению, начали бегать и стучать; я же лежал не смыкая глаз. Вдруг один черт, с треском проломив крышу, прыгнул прямо на меня. Я посторонился и, обойдя его, выбежал. Когда я в испуге выбегал, то рукой задел его рога. Апырай¹, оказывается, и у шайтанов тоже бывают рога.

Сосед был умным человеком и говорит:

— Давай и мы посмотрим на него с фонарем в руках.

И, захватив еще трех-четырех человек, они вошли в дом татарина. Смотрят, крыша из кое-как сплетенного камыша, в середине ее провал. Стали оглядываться и увидели козу. Она лежит себе и жует жвачку.

Постояв немного, они услышали, как на крыше кричат козлята. На их крик коза поднялась и заблеяла. Вслед за тем козлята, спустившись через провал в крыше, присоединились к матери. И тут все увидели, что это коза и козлята хозяина и соседей. По ночам они прибежали есть сено, сложенное на крыше дома, и играли там, а коза, которая находилась в доме, оказывается провалилась через крышу.

В

В один прекрасный летний день два человека совершали прогулку. Когда они проходили мимо дерева, закуковала кукушка. Один и говорит:

— Кукушка — птица вещая. Она увидела меня и предсказывает мне, что я должен получить в скором времени богатство.

— Кукушка не тебе кукует, а мне. Богатство я должен получить, — возразил другой.

— Тебе, собаке, за что богатство? — рассердился первый.

¹ А п ы р а й — возглас, выражающий удивление, близкий к русскому «ой-ой».

— Не я собака, а ты собака! — со злостью ответил ему второй.

Так они поспорились, а поспорившись, — подрались.

У обоих лица и носы были в крови. Такими оба пришли к лекарю: А когда он сделал им перевязки, они рассказали ему, с чего у них началась драка.

Тогда лекарь говорит им:

— Эх, дураки же вы! Та кукушка не вам, а мне куковала. Если бы она не куковала, то не было бы у вас драки; а если бы драки не было, я не получил бы с вас за лечение и не заработал бы.

Г

Один мой друг рассказал мне:

В 1875 году, находясь в пути, я остановился в одном ауле. Когда мы разговаривали, пришел мальчик с глазами, опухшими от слез. Он сидел молча, не играл, как другие дети, не ел. Я пожалел его и спросил у людей, сидевших рядом со мной:

— Почему этот мальчик такой заплаканный, не играет и не ест?

Тогда жители аула рассказали мне:

— У этого мальчика вчера рано утром умерла мать. Вскоре после смерти мы отнесли ее на могилу, находящуюся поблизости на горе, и похоронили рядом с другими. Когда вечером ребята, которые ходили за телятами, подошли к могилам, то услышали, что из могилы этой похороненной женщины будто раздается невнятный голос. Ребята оставили телят и, прибежав в аул, рассказали об этом. Мы, взрослые, тоже подошли на близкое расстояние к могиле и ясно услышали раздающийся из могилы стон. Мы поспешили удалиться и, чтобы уйти подальше от греха, всем аулом перекочевали сегодня на это место.

Этот двенадцатилетний мальчик — сын той женщины. «Мать моя лежит живая, разroyте и вытащите ее!» — плача просил он всех людей, но никто из нас не только не подходил к могиле, но и самого мальчика мы стережем и не пускаем туда.

Тут мальчик начал плакать и обратился ко мне:

— Правда, дядя, моя мать жива! Дядя, только вы один можете оказать милость...

Внимательно приглядевшись к мальчику, я заметил, что у него очень смысленный вид; и меня удивило то, что сколько бы старшие его ни убеждали, он настаивал на своем и был убежден в том, что мать его похоронена заживо. Я подозвал его, посадил к себе на колени и сказал ему:

— Жива или не жива, милый мой, твоя мать, а я пойду посмотрю на нее.

Сидящие вскочили в испуге.

— Ой, мурза, не делайте этого. Слыханное ли дело, чтобы ворошить могилу, думая, что мертвый может снова ожить. Из-за женщины, которая несет наказание за свои грехи, вы в загробном мире можете сами пострадать, — говорили они мне.

Я же предложил мальчику пойти домой, одеться и придти обратно, а присутствующим сказал:

— Правда, умерший человек вновь не оживает. Однако вы женщину, лежащую в обмороке, посчитали мертвой и похоронили, а услышав ее голос, взывающий о помощи, не откопали ее из могилы. Тем самым вы приняли на душу большой грех, ибо нигде в Коране не упоминается о том, чтобы живые люди слышали из могилы крики страдания умершего человека.

Мальчик быстро вернулся обратно. Взяв в ауле кетмени, лопаты, со своими спутниками и мальчиком я направился к могиле. Из перепуганных жителей аула с нами никто не поехал.

Дойдя до могилы, мы начали прислушиваться, но сколько ни прикладывали ухо к земле, никакого звука уловить не могли. Тогда мы могилу разрыли. Двое из нас спустились туда и увидели, что у несчастной женщины руки и лицо в крови и царапинах, одежда на ней вся изорвана, а тело ее еще было теплое.

Женщину вынули из могилы и, установив над ней шатер, ухаживали за ней целый день. В момент, когда ее вынули, мне показалось, что в ней еще чуть теплится жизнь; однако к вечеру того же дня она стала остывать и уже в самом деле умерла.

Такие случаи, полагаю, имели место и у других народов. Опытные врачи говорят, что бывают такие

болезни, при которых больные могут оставаться живыми, но без сознания. Поэтому не следует очень спешить¹ хоронить умершего, необходимо подождать и понаблюдать, прежде чем закапывать его.

ЖИРЕНШЕ ШЕШЕН

Жиренше Шешен¹, будучи однажды в дороге и близко подъехав к одному аулу, остановился, так как между ним и аулом протекала речка. Когда он, не зная броду, стоял в недоумении, со стороны аула к речке подошла какая-то девушка за водой.

Жиренше, напрягая голос, спросил ее:

— Где находится брод через эту речку?

Девушка ответила:

— Там, в той стороне, находится брод. Хотя до него и далеко, но он самый близкий. Другой брод, хотя он и самый близкий, но до него далеко.

Не поняв значения этих слов, Жиренше поехал к тому броду, который находился ближе к нему, и стал переправляться через речку, но только доехал до середины речки, как лошадь его увязла в грязи, упала, вся одежда его выпачкалась в грязи, и он еле-еле выбрался обратно. После этого он поехал к дальнему броду, о котором девушка говорила, что до него хотя и далеко, но он самый близкий. Здесь он легко переправился на другую сторону и приехал в юрту той девушки.

После того, как Жиренше уселся в юрте, он посмотрел на девушку и говорит:

— Милая, еду издалека, есть хочется. Дай мне поесть, что у тебя имеется из еды повкуснее.

Девушка ответила:

— Есть одна еда горькая, хотя она и горькая, но вкусная. Есть другая — пресная, хотя пресная, но горькая.

¹ Казахи хоронили покойников нередко через несколько часов после смерти.

¹ Ш е ш е н — красноречивый.

Жиренше говорит:

— Неси ту еду, которая хотя и горькая, но вкусная. Девушка вышла, принесла из шанаша¹ в маленькой чашке соль и поставила перед Жиренше. Жиренше посмотрел и спросил:

— Милая, как же я могу есть только соль?

Тогда девушка молча принесла и поставила перед ним чашку коже², ничем не заправленную, даже не посоленную.

Тогда Жиренше задумался. А так как он был догадливым, умным человеком, то понял все, что говорила ему девушка. Ему стало стыдно, что он, не дожидаясь угощения со стороны хозяйки дома, стал просить дать ему, что у ней есть повкуснее. Из всего, что девушка говорила и делала, Жиренше понял, что она девушка умная, серьезная. И Жиренше, говорят, посватался и женился на ней.

Девушку звали Карашаш Прекрасная. Так как она считалась самой красивой и умной женщиной, хан, который правил в то время, возненавидел Жиренше.

Однажды хану захотелось гусятины, и его повара подали ему жареного гуся. Жиренше сидел рядом с ханом, и хан ему приказал:

— Ты подели этого гуся между мной, женой, двумя детьми и собой так, чтобы никому из нас не досталось ни больше, ни меньше. Если одному из нас достанется на один золотник больше или меньше, то я тебя крепко накажу.

Жиренше взял нож, отрезал сперва у гуся голову, подал ее хану и сказал:

— Господин, вы нам всем голова, поэтому вот вам голова. Во-вторых, хан без ханым не бывает, ханым же без хана не бывает, а птица без шеи не бывает; вы — шея хану, поэтому шея — ваша, — продолжал он и, отрезав, положил шею гуся перед ханым.

— Эти двое ребят — ваши дети, ваши крылья. Вот им крылья, — и, отрезав два крылышка, Жиренше положил их перед детьми хана.

— Я сам, господин, ни голова, ни нога, так себе — средний человек, поэтому вся средняя часть этой пти-

¹ Ш а н а ш — посуда из кожи в виде мешочка.

² К о ж е — похлебка из крупы пшеницы, ячменя или проса.

цы подходит мне,— сказал напоследок Жиренше и всю остальную часть гуся положил перед собой.

Через некоторое время хан, находясь на охоте и увидев катящееся перекати-поле, приказал Жиренше:

— Поезжай и спроси у перекати-поля, где оно думает остановиться и когда вновь думает кочевать и снова остановиться. Если его ответ не сообщишь мне правильно, то прикажу страже бить тебя.

Жиренше ударил коня, пустил его вскачь и, проткнув пикой перекати-поле, остановил его. Немного постоял, вернулся к хану и говорит:

— Господин, по вашему приказанию я спросил у перекати-поля, и оно мне ответило: «Не знаю, кто из вас глупец, то ли хан, который послал тебя спросить, то ли ты, который приехал спросить. Начало моей кочевки знает ветер, место моей стоянки знает овраг».

Так, продолжая мучить Жиренше и не в состоянии поймать его в расставленные сети, хан все больше сердился на него и искал подходящего повода, чтобы убить его, а жену взять себе. Жиренше же, догадываясь о коварных мыслях хана, запечалился. Однажды Карашаш Прекрасная спросила мужа:

— О чем ты горюешь?

Жиренше рассказал ей все. Тогда Карашаш говорит:

— Друг мой, не горюй, что-нибудь придумаем. Через два дня пригласи хана и биев в гости.

Жиренше, хотя и заслужил прозвище непревзойденного оратора в мире, но был, говорят, очень беден. Относительно его бедности до сего времени существует такое предание: он, после того как находился целый день в прекрасном дворце хана и сидел на мягкой постели, вечером возвращался в свою темную, тесную лачугу и, расположившись на жесткой шкуре, имел обыкновение говорить:

— Ох, хорошо в моем доме, в просторном моем дворце — белой юрте.

Услышав же теперь слова жены, Жиренше сказал ей:

Хотим пригласить хана и его свиту, а куда мы их посадим и чем будем угощать?

На это Карашаш ответила ему:

— Предоставь это дело мне.

Через два дня Жиренше пригласил в гости хана и его свиту. Как хан, так и его стража ехали и гадали: чем же будет угощать их Жиренше? Когда гости, сколько их могло поместиться, вошли и расселись в лачуге, а те, кому не хватило места, расположились на дворе, под открытым небом, на кошме, Карашаш Прекрасная, поднявшись с места, принесла в чашке немного молока и сметаны и поставила перед ханом.

Хан взял сметану на кончик мизинца и положил в рот. Сметана ему показалась такой вкусной, будто он в своей жизни не ел такого вкусного кушанья. И когда с кончика мизинца он покушал еще один-два раза, то даже почувствовал сытость. Остатки сметаны он передал своим людям. И все находившиеся в лачуге, интересуясь, что же это за кушанье, понемногу попробовали его на вкус.

Собираясь уезжать, хан спросил Карашаш Прекрасную:

— Красавица, что за кушанье вы подали нам? Мы не ели до сих пор такой вкусной пищи. Научите нас, чтобы и мы приказали своим поварам готовить часто такое кушанье.

Тогда Карашаш ответила:

— Господин, вы знаете, что мы бедны, и когда мой муж решил пригласить вас в гости с вашими почетными людьми, то я задумалась, каким кушаньем мне следовало бы угостить гостей. Наконец я пришла к мысли, что самое питательное в мире должно быть человеческое молоко, ибо ребенок до пяти — шести лет может жить материнским молоком. Поэтому я, выдоив свое молоко, сделала эту сметану.

Хан, воскликнув «ох!», быстро поднялся и вышел.

Известно, что как в давние времена, так и в настоящее время, если кто питался молоком женщины, то эта женщина становилась как бы его матерью и на ней ему нельзя было жениться.

Через несколько дней хан пригласил Жиренше к себе, попросил прощения за несправедливое отношение и подарил ему много скота.

КАРАКЫЛЫШ

Сказка

Некогда жили пять родных братьев. Все пятеро посеяли полдесятины хлеба. Когда урожай начал поспевать, братья заметили, что ночью кто-то приходит и травит хлеб.

После этого они стали караулить свой посев. Первым караулил старший брат, но он никого не видел. Так все четыре старших брата караулили четыре ночи. На пятую стал караулить самый младший из братьев. Звали его Каракылыш.

В ту ночь, когда охранял Каракылыш, с неба слетела вороная кобыла и начала есть хлеб. Каракылыш поймал ее. Тогда вороная кобыла и говорит:

— Эй, мальчик, отпусти меня. У меня есть пять жеребят, я отдам их всех — по одному каждому из вас.

Каракылыш отпустил ее. Вслед за тем вороная кобыла привела пять жеребят и самого маленького отдала Каракылышу, а других четырех — четверем остальным братьям.

И вот, когда братья бывало начнут скачку, то Каракылыш обгонял всех на своем жеребенке.

Однажды Каракылыш увидел, что из земли тонкой струйкой идет дым, и подъехал туда. Смотрит — стоит избушка, принадлежавшая Старухе-Ненасытной¹. А у этой старухи было пять дочерей. Комнаты у девиц для отдыха, игр, для приема пищи были отдельные.

Каракылыш проник в комнату девушек для игр и лег под ковер.

Как только девицы стали входить в комнату, он поднял ковер. Девицы закричали с испугу и побежали к матери. Мать поругала их, велела идти обратно. Когда девицы вернулись, сели и начали играть, Каракылыш поймал их всех. Четырех взял подмышки, а пятую посадил за спину, сел на свою лошадь и пустился было вскачь, но старуха заплакала и говорит:

¹ Старуха-Ненасытная — персонаж казахских сказок. Соответствует Бабе-Яге русских сказок.

— Дочерей моих я завтра провожу с тобой, а сегодня ты заночуй у нас.

Каракылыш вернул дочерей старухе, а сам остался ночевать.

Наступил вечер. Она постелила постель и попросила Каракылыша ложиться спать. Каракылыш перед сном вышел на двор и видит, что конь его плачет — из одного глаза бежит слеза, а из другого — кровь. И говорит ему конь:

— Ты сегодня не спи. Если уснешь, тебя старуха убьет. Она отковывает себе железные зубы.

Каракылыш, вернувшись в комнату, лег, но не уснул. Старуха заглянула в дверь и сказала:

— Спи, милый! — и ушла.

Через некоторое время она опять пришла. Пока она так ходила, занялась заря. Утром старуха дала большое приданое и, провожая своих дочерей, сказала:

— Недалеко по пути есть три перевала. На двух перевалах не останавливайтесь на ночлег, а на третьем — заночуйте.

Наступил вечер. Четыре старших брата находились в эту ночь на среднем перевале, а Каракылыш один заночевал на третьем перевале.

Поднявшись утром, Каракылыш услышал, что его четыре брата плачут и кто-то говорит им:

— Если приведете ко мне Каракылыша, я отпущу вас.

Услышав такие слова, Каракылыш подъехал и увидел айдахара¹. Айдахар отпустил всех четырех братьев, а Каракылышу говорит:

— Привези мне бессмертную дочь Бермес-хана².

Каракылыш согласился и поехал. Ехал он, ехал и увидел человека, который соединяет одну гору с другой, а потом разъединяет их. Каракылыш спросил его:

— Что ты тут делаешь?

Человек сказал в ответ:

— Хочу быть товарищем Каракылышу.

И они вместе поехали дальше. Встретился им по пути еще один человек, который забирал ртом воду из

¹ Айдахар — сказочный дракон. Втягивая в себя воздух, он мог проглотить животное или человека.

² Бермес-хан — хан-скупец.